

Олег Механик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мышеловка а-ля 90-е

Олег Механик

Мышеловка а-ля 90-е

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64189846

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение книги "Вечеринка а-ля 90-е". Злоключения неудачников продолжаются. Чудом выпутавшись из истории с угнанной яхтой, друзья тут же оказываются втянутыми в очередное приключение. На этот раз всё гораздо серьёзней, и им придётся хорошо постараться, чтобы выжить. Кто их втянул в эту историю? Всё тот же человек по кличке Буратина, который и является источником всех бед. Содержит нецензурную брань.

Содержание

А-ля пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Олег Механик

Мышеловка а-ля 90-е

А-ля пролог

Эта книга является продолжением «Вечеринки...», поэтому автор считает нужным напомнить, чем там дело закончилось. Это важно для понимания. Естественно я не буду пересказывать весь сюжет, а просто освежу память тем, кто читал, но уже подзабыл. Глупо думать, что какой-то залётный читатель, нарвавшись на мои произведения, скажет: «Дай-ка я пропущу эту пошлую муру про вечеринку, а перейду сразу же к книге с точно такой же обложкой и похожим названием. В ней уж точно больше смысла и наверняка присутствует мораль и глубина». Но если даже кто и подумает так, непременно ошибётся. Здесь всё то же. Пошло, аморально и без положительных героев. Всем искателям эстетики, морали и глубины лучше сразу же обращаться к Достоевскому, или Толстому. Это настоящее мясо (слово конечно неприменимое ко Льву Николаевичу, который, как мы знаем, был вегетарианцем), у меня же лёгкий аперитив. Этакий коктейль – отвёртка. Где-то крепкий, где-то сладкий. Может быть, некоторые даже найдут привкус горчинки, или лёгкий аромат винтажного Вермута, (это уж, конечно, автор себе льстит).

В общем, тем, кто нажрался мяса, можно и попробовать. Думаю, не повредит. Только не принимайте на голодный желудок и не увлекайтесь, а то сколдыритесь.

«У каждого свой вкус, один любит арбуз, другой свиной хрящик». – Кажется Хруща цитата.

Однажды вашему покорному слуге доводилось делить одно жизненное пространство с человеком, который его ненавидел, (это было взаимно), и наделал ему много гадостей. Так вот, когда настала пора прощаться, этот чел (назовём его Женей) произнёс следующий тост:

«Я тебя не люблю и никогда не понимал, но сейчас хочу выпить за тех, кто всё-таки тебя понимает. Быть может, такие и есть...»

Сейчас, вспоминая этот тост, я думаю: «а вдруг среди вас есть те, за которых поднимал свою стопку Женя?» Если вы здесь, тогда стартуем!

Ах да, чуть не забыл рассказать, чем закончилось дело в «Вечеринке».

Сява, всё-таки, оставил своих друзей, и прямо из привокзального кабака запрыгнул на поезд, отправляющийся в Москву. Состав ещё не успел разогнаться, а Сява попал в очередную неприятность. Решил покурить в тамбуре (придурак), за что чуть не был схвачен ментами. Совершив дерзкий побег, Сява на ходу выпрыгивает из поезда и по несчастливой случайности не ломает себе шею. Теперь ему ничего не остаётся, как идти назад в тот привокзальный кабак, где

ещё продолжается вечеринка а-ля 90-е.

Кабакам кабачный дым, птицам высь раздольную,
Благодать и мир святым, а закрытым вольную.
Пацанам красивых снов, павшим неба царского,
Девочкам подать любовь, а братве шампанского...
С. Наговицын «Прощальная»

– Вя-че-слав И-и-ва-но-вич Ку-у-зьмин! – раздражённо повторяю я , на этот раз громко и по слогам.

– Не ори, я не глухой! – Комбайнёр сосредоточенно пялится в монитор компьютера и громко с размаху щёлкает по клавиатуре указательными пальцами обеих рук, будто давит на ней клопов.

– Просто я уже в пятый раз своё имя произношу, а вы никак запомнить не можете. Вот же паспорт перед вами лежит, печатайте с него.

– Учить меня будешь, как протокол заполнять? – Комбайнёр зыркает на меня маленькими водянистыми глазками.

– Боже упаси, господин начальник. – Молитвенно складываю перед собой ладони, тяжело вздыхаю. – Только вот долго вы как-то это... мой сынишка в три года быстрее печатал. Вам бы на курсы компьютерного ликбеза походить...

– Будешь хамить, своего сынка увидишь, когда он школу

закончит. – Комбайнёр раздражённо жмёт на «бэк спэйс» – опять, сука, ошибся.

Мой младший сын давно уже окончил школу, но Комбайнёру это знать не обязательно.

Нет, мы так до утра просидим. Всё чего я хочу это спать. Хотя бы час здорового глубокого сна это всё что мне необходимо после нашей трёхдневной одиссеи. Я готов спать где угодно, хоть на нарах, хоть на уличной лавке. Я даже в морге буду видеть сны младенца. Но допрос, похоже, затянется надолго. Пухломордый следак таким образом убивает своё рабочее время, а мне то что с того? Он обращается с компьютером так, словно видит его в первый раз. Да и комп то допотопный, как и всё в этом кабинете. Засохший рваный линолеум, голые стены, выкрашенные в тон гнилого огурца. Забитый папками комод, похоже, экспроприирован ещё большевиками, или достался кому-нибудь из доблестных ментов от прапрабабки в качестве наследства. Стол тоже из серии «на помойке можно лучше найти». Всё здесь древнее, советское, даже морда следака, которого я сразу же окрестил Комбайнёром. Просто такое красное обветренное, как губка напитанное безудержными возлияниями лицо, по моему мнению, идеально подходит комбайнёру, или любому другому колхозному труженику.

– Когда и с какой целью прибыли в наш город? – спрашивает Комбайнёр, продолжая нещадно лупить по клавиатуре. Допечатал бы ты сначала мою фамилию, опять ведь со-

бьёшься...

В ваш город? Когда я прибыл в ваш удивительный город? В этот цветущий благоухающий поражающий скоростями и высокими технологиями мегаполис я прибыл где-то часа полтора назад. Как прибыл? – по железной дороге конечно, самолёты сюда не летают, даже не пойму, почему? Да я и по железной дороге то не на поезде приехал, а приковылял пешком, на своих двух. Но не успел я войти во врата вашего славного города, как меня уже встретил эскорт аж из трёх мусоров. Видимо, их коллеги сообщили, что один из пассажиров был так растроган расставанием с этим цветущим оазисом, что выпрыгнул на ходу с поезда. Эту историю Комбайнёр уже знает, его видимо интересует, что меня вообще связывает с этой сраной дырой, ой простите, с этим чудным оазисом.

– Три дня назад приехал на фестиваль бардовской песни! – говорю я первое, что прилетает мне в голову.

Комбайнёр вдруг бросает печатать, поднимает на меня глаза и широко улыбается, будто только что выяснилось, что мы с ним кровные братья.

– Бард?! – восторженно переспрашивает он. Вот-вот подсунет фотографию жены, с просьбой поставить автограф. – Ещё один бард?

– В смыс...сле...

Мне вдруг всё становится понятно. Пацанов всё-таки замели, а это уже не шутки. С чем их взяли? Ясно с чем – пуш-

ка, семьдесят штук баксов ну и гитара конечно. А если это вообще по наводке Ленина, тогда в довесок ко всему всплывает история с украденной яхтой и обстрелом ментовского катера. Ой-ёй-ёй... чё детсяя! Я начинаю усиленно чесать голову.

– Ну теперь всё становится на свои места. Пазл сошёлся. – Комбайнёр довольно потирает руки. – Давай, звезда шансона, рассказывай, чем наш городишко обязан явлению столь достопочтенных гостей. У вас, наверное, гастрольный тур по области, так скажу вам честно, места вы совсем не те выбрали, народ здесь бедный и поживиться особо нечем.

Я понимаю, что угодил в ловушку, причём пришёл в неё сам. Единственное, что здесь не сходится это то, что по словам мента мы выбрали не те места для наживы. А как же баксы, их что, не нашли?

– Гражданин начальник, я вас не совсем понимаю. О каких гастролях вы мне говорите? Я простой любитель душевных песен под гитару, костерка и живой природы.

– Костеро-ок...приро-ода...романтика...– Комбайнёр бегаёт по мне водянистыми глазками. – В тебе от барда только борода и эти допотопные треники. Шапочки вот не хватает...

– Какой ещё шапочки?

– Ну такой...пушистой шерстяной...которую бабушка всё лето вязала. Это бы хорошо завершило образ.

«Завершило образ?». Ты чё, «модного приговора» на-

смотрелся? Ах да, тут же из телевиденья наверное один федеральный канал...

Комбайнёр хватает трубку допотопного телефона (неужели он рабочий, а я думал, что это бутафория) и резким движением пальца накручивает пластиковый диск. Интересно, а жители этой дыры в курсе таких понятий, как интернет, мобильная связь и сотовый телефон?

– Пал Григорич, прикинь, я ещё одного барда взял. Теперь вся банда гитаристов в сборе.

На другой стороне слышатся восторженные комментарии и видимо дальнейшие указания.

– Ага, Пал Григорич, понял... – Комбайнёр кладёт трубку. Его лицо сияет как солнышко из старого мультика. – Ну что, бард-десятник, будем чистуху писать? Твои так-скать творческие коллеги уже во всём сознались.

– О чём вы говорите господин офицер? По-моему у нас беспредметный разговор. Давайте так. Насколько я понимаю, мне что-то хотят инкриминировать и в этом случае я должен связаться со своим адвокатом. Пока же, я не намерен отвечать на ваши вопросы.

– Ну вот, сейчас ты уже большеходишь на серьёзного парня, а то бард... гитара... лютики... цветочки. – Довольная морда Комбайнёра пышет жаром, и мне хочется прикурить прямо от этого безразмерного лба.

– Думаю, что наш разговор на сегодня окончен. Нижайше прошу сопроводить меня в камеру.

Молоденький сержант пихает меня перед собой вниз по щербатой лестнице. Мы спускаемся в подвал, и с каждой ступенькой мне становится всё страшнее. Где мы? Судя по вековой плесени на облупленных стенах и запаху могильной сырости где-то в тридцать седьмом.

Внизу нас встречает ржавая сваренная из арматуры решётка. Сержант ковыряется в замке огромным ключом, затем дёргает решётку на себя. Металлический грохот отдаётся эхом в узком коридоре.

– Слушай, браток, а вы в курсе, что подвал это не совсем пригодное место для хранения живых людей. Тут овощи через день плесенью покроются, а мы всё-таки хомосапиенсы...

– Лицом к стене! – командует сержантик, никак не реагируя на мой вопрос.

Ключ громко скрежещет в личинке замка, ещё одна решётка отъезжает в сторону. Ну да, это обезьянник. В прошлой жизни мне случалось бывать в таких заведениях.

– Проходи! – Сержант подталкивает меня в спину, и я оказываюсь в небольшом метр на метр помещении. Первое, что мне бросается в глаза, это жёлтая бондана.

– Сява! Ёб ти! Ты здесь откуда? – Рык Геракла отдаётся в коридоре многократным эхом.

– Сява? Братан ты здесь? – слышится откуда то из за стенки крик Поночки.

– Сява-а! – это уже радостные завывания Уксуса, всё оттуда же из-за стенки.

– А ну тихо! – срывающимся голосом орёт сержант. – Быстро сел на место! – кричит он уже Гераклу, потом снимает с меня наручники. – Чтобы тихо здесь, а то в карцер загремите!

Когда решётка захлопнулась, и сержант пропал из зоны видимости, мы смогли хорошенько обняться с Гераклом, словно не виделись сто лет.

– Ну вот, почти все в сборе! – радуется Геракл.

– Сява, ты как здесь оказался? Тебя чё, в поезде приняли? – громкий шёпот Уксуса слышится так отчётливо, будто он говорит мне прямо в ухо.

– В общем-то да, но не совсем так...потом расскажу!

Я только сейчас замечаю, что в камере есть третий. Тщедушный мужичёк непонятного возраста с длинной то ли русой то ли седой бородой и нестриженными патлами походит на попа, или монаха. В кúпе с Гераклом они смотрятся вполне гармонично, и я невольно чувствую себя послушником, который посетил келью преподобных старцев.

Мне нужно задать парням много вопросов, но меня смущает этот посторонний бородач, да и в камере парней тоже могут находиться левые. Мёста в камере совсем немного – узенькая лавочка на которой могут уместиться вряд от силы

три очень тощие задницы и решётка, куда упираются колени сидящего, если он выше метра ростом. И в этой тесноте я пытаюсь уединиться с Гераклом. Хватаю его за плечи, прижимаю к решётке, тихо говорю в ухо, убирая из речи согласные, чтобы не было понятно третьему.

– Ы ак есь? Ас с ушкой и-ня-ли?

Я пытаюсь выяснить главный интересующий меня вопрос, за что замели парней. Если их взяли с пушкой, то нам кранты.

Геракл отстраняется и смотрит на меня, как на шизофреника.

– Ты чё там лепечешь? Я ни хрена не понял. Говори нормально, тут все свои!

Я перевожу осторожный взгляд на бородача, и Геракл наконец-то понимает причину моих опасений.

– Это Миша, хороший человек, святой человек! – Он треплет бородача за хилые облачённые в серую рубашонку плечи. – Он такие вещи говорит, заслушаться можно!

– Михаил! – бородач протягивает мне руку, низко нагибая голову и привставая с лавочки, словно мы находимся на торжественном приёме.

– Сява...м-м-м...Вячеслав Иванович, – жму костлявую, неожиданно горячую ладонь, но всё же недовольно кошусь на Геракла.

– Миша свой парень, при нём можешь говорить что угодно.

По заплетающемуся языку и блестящим глазам я понимаю, что Геракл ещё пьян и не совсем адекватен.

– И всё же, я бы не стал сейчас говорить в открытую... – мычу я, но по взгляду Геракла понимаю, что всё, что можно он уже выложил своему новоиспечённому другу Мише.

Геракл уверяет меня, чтобы я не парился и присаживался, так как в ногах правды нет. Сам он встаёт, так как втроём сидеть на узенькой лавке невозможно, и не смотря на мой предостерегающий взгляд, рассказывает историю, предшествующую их заселению в камеру. Оказывается всё не так уж и страшно.

Оказывается, замели их в кабаке. Оказывается в момент ареста «ничего такого», при них не оказалось. Почему не оказалось бабок? – потому что Буратина (у которого была вся касса) и Жекичан уехали провожать Светку, которая попросила доставить её в гостиницу. Почему не оказалось «...ушки» (когда надо, Геракл меня понимает). А вот этого он сам не знает, она просто пропала...

Я понял, что пушку у Геракла стащил либо Жекичан, либо Буратина, ведь я их предупредил перед отъездом. Ай да я! Спас всех нас от неминуемого срока.

Из сбивчивого повествования Геракла я уяснил следующую последовательность событий.

Почти сразу же после моего отъезда, Светка засобиравалась в гостиницу. Буратина с Жекичаном вызвались её проводить. Они вызвали тачку и укатили. Буратина обещал скоро

вернуться. Обещал...но так и не вернулся. Это вполне в его духе.

Парни с подружками пили и танцевали до глубокой ночи, но когда Валера (хозяин кабака) намекнул им, что пора бы и откланяться, оказалось, что у гуляющих на широкую ногу гостей нет ни копейки денег. Понятно, ведь вся касса была у безвременно пропавшего Буратины. Валера, чувствуя, что его и без того трещащий по швам бизнес, терпит убытки на ровном месте, вызвонил каких то родственников, которые явившись в кафе с куском ржавой трубы и огромным разводным ключом попытались выбить долг за обед. Парни отчаянно сопротивлялись, но когда сопротивление было сломлено, Валера понял, что денег у парней действительно нет. Вот тогда он в сердцах и пошёл на крайние меры, вызвал так ненавистных ему ментов. Так, наверное, первый раз в жизни, правильный пацан Валера превратился в терпилу.

Единственное, что успел сделать Геракл, во время заварившейся суматохи, вывести девчонок через чёрный ход, сказать им, чтобы они чесали на станцию, а утром выбирались из города на попутках. А потом парней утрамбовали в собачник допотопного УАЗика и увезли в отделение. Вот и вся недолга.

Из рассказанной Гераклом истории я извлёк два противоположных по степени восприятия вывода. Первый – позитивный состоит в том, что ничего серьёзного, кроме мелко-го хулиганства нам не пришьют. Второй, он же негативный

вывод гласит, что каждый час нашего нахождения здесь увеличивает опасность того, что нас свяжут с делом о вооружённой банде, которая рассекала по речным просторам на угнанной яхте. Это значит, что вполне очень скоро мы можем оказаться в лапах у Ленина. А его лапы представляются мне страшнее лап правосудия. Понятно, что все новости доходят до этой Тьмутаракани в последнюю очередь, понятно, что из средств связи у них, возможно, есть один телеграф, но если даже предположить, что свежие сводки в этих краях разносятся пешим гонцом, то к утру об обстреле ментовского катера уж точно будет известно.

Я не могу высказать свои опасения беспечным, чему-то веселящимся друзьям, так как меня сильно смущает бородач Михаил, который как раз подводит итог рассказу Геракла.

– Всё что не делается, всё к лучшему. Вины вашей здесь мало. Вы больше от наивности и от доверчивости своей страдаете. Но эти качества и господу нашему были присущи, так что скоро отпустят вас с миром, – увещевает он поющим голосом.

– Во, слышь чё говорит? – Геракл поднимает вверх указательный палец, словно этот голос прозвучал откуда-то выше. – Скоро нас выпустят. Я ему верю!

Теперь я приглядываюсь к бородачу повнимательней. Щупленький в рубашоночке, льняных штанишках и китайских кедах. Он не такой старый, каким кажется, или хочет показаться, может чуть старше нас. Что здесь делает этот

проповедник? Я решаю всё выяснить прямо сейчас.

– Послушайте, святой отец! Я прошу прощения за мой нескромный вопрос. А какие неисповедимые пути господни привели вас в эту юдоль скорби?

За стенкой громко хохотнул Укус.

– Я ещё не заслужил, чтобы меня называли святым отцом. – отвечает бородач тем же смиренным и скорбным голосом. – А здесь я в силу извечной человеческой проблемы. Недопонимание! – он разводит руками. – Я вечный странник. Вся жизнь моя проходит в пути и где б я не находился везде встречаю одно и то же...

– А я вот вас понима-аю! – я зеваю, и пытаюсь вытянуть ноги, просовывая их сквозь прутья решётки. – Знаете почему? Потому что чувствую родственную душу. Ведь нас тоже никто не хочет принимать такими, какие мы есть. Всё пытаются усмирить, устранить, вот даже в острог упекли. А ведь мы не хуже других. Делаем всё тоже. Иногда подворовываем, что греха таить, только называем вещи своими именами.

– Не-ет, воровство это тяжкий грех! – пытается парировать бородач.

– Полноте, Михаил! Это ведь просто слово. Резкое и неприятное слово. Можно же называть это как-нибудь иначе. Честная конкуренция, маркетинговый ход, рыночные отношения, достижение успеха, свободная торговля, забота о благе народа... Слов много, только вот суть одна. Так за что вас замели, святой отец? Наверняка какой-нибудь хитрый

маркетинговый ход сделали?

– Сява, ну чё ты начинаешь! – вступается Геракл за нового друга. – Миша деньги на строительство храма собирал...

– Поня-а-а-тно! – я снова зеваю и закрываю глаза. – Дальше можешь не рассказывать.

– Да ну тебя! – обиженно рычит Геракл. – Миша, ты на него не обижайся, он сейчас не в духе.

– Да, Миша, ты не обижайся...просто...просто я...– я проваливаюсь в сон.

В те секунды, когда я вынырываю из сонной норы, чтобы переставить затёкшую ногу, или поудобнее приложить голову на согнутые руки, мне слышится монотонный голос бородача, перемежаемый рычанием Геракла. Нашли, блядь, место для исповеди.

Окончательно просыпаюсь из-за громких криков за стеной. Заклятые друзья Поночка и Уксус в очередной раз закусываются.

– Может ты перестанешь мне ноги на морду закидывать? Сложи их и не брыкайся как кобыла! – Это голос Уксуса, обычно он всегда начинает.

– Ну извини, бля, ты здесь не в пятизвёздочном люксе! – злобно рявкает Поночка.

– Так это ты растянул свои длинные жерди, будто на кровати кинг сайз. Ещё раз так сделаешь, я их поломаю на хрен.

– А ну попро-обуй полома-ай.

– А вот и полома-аю! Чё, думаешь слабо?

Задушевный диалог прерывает сержант, пост которого находится в конце коридора.

– Эй! А ну ка быстро заткнулись. Я вас щас в карцер засуну, там стоя спать будете.

– Ну так засунь! – заводится Поночка. Горе тому третьему, кто вливается в этот спор.

Сержант не реагирует на выкрик зарвавшегося арестанта. Делает вид, что не услышал. Просто ему тоже, как и всем нам хочется спать. В отличие от нас он здесь на работе, а покемарить на рабочем месте это удовольствие из ряда заповедных, по себе знаю.

Я чувствую себя в эпицентре галдящего балагана. Справа злобная перепалка Уксуса и Поночки, слева пастырская беседа Гаракла с его новым наставником Михаилом, и в центре всего этого несчастный сдавливающий ладонями уши ваш покорный слуга. Несчастнее меня быть может сержант, который, наверное, каждую смену мучительно борется со сном. Я вижу его бесконечно качающуюся голову над письменным столом, расположенным в конце коридора. Голова ходит туда-сюда, словно у механической заводной куклы. Не хватает, чтобы при каждом глубоком кивке откуда-нибудь из него раздавался скрипящий искусственный голос: Я хочу спать... я хочу спать...я хочу спать...

Наверное, он бы сейчас обменял душу дьяволу на свой спокойный сон. Я уже представляю этого дьявола (который почему то является нашим помощником). Он сидит на кра-

ешке стола, машет свисающим копытом и говорит голосом смиренного батюшки Михаила.

– Просто выпусти этих парней, и ты узнаешь, что такое крепкий здоровый сон.

– Не-ет, – отвечает сержант, продолжая бесконечно ронять безвольную голову. – Если я их выпущу, то уж точно перестану спокойно спать.

– В том то весь и фокус, что ты будешь спать как младенец, несмотря на то, что перейдёшь черту. Главное сделать это в первый раз и тебе понравится. С этих пор ты каждую ночь будешь спать крепким богатырским сном, чтобы ни случилось. Поверь это высокая награда и её многие мечтают заполучить. Все те, кто не может спать, кого терзают совесть, сомнения, сотворённые грехи. Ты получишь этот великий дар взамен за трёх несчастных хануриков. Согласись, что нет ничего слаще, чем закрыть глаза и а-а-а. – Искуситель зевает, прикрывая копытцем огромную клыкастую пасть.

– Не-ет Комбайнёр меня убьёт... – вяло сопротивляется сержант, продолжая качать головой.

– Ничего он тебе не сделает. Просто открой две этих камеры, выпусти парней на свободу, и ты больше ничего не будешь бояться. Разве во сне можно бояться?

Интересно, а откуда они знают о том, что Комбайнёр это Комбайнёр. Это ведь я только что дал ему это погоняло?

Ключ громко скрежещет в личинке замка. Решётка отъезжает в сторону, издавая дикий лязг.

– На выход все!

Я открываю глаза и вижу бледное лицо сержанта. Всё ясно, это продолжение сна, только лучше смотреть его с закрытыми глазами. Я зажмуриваюсь.

– Я сказал на выход! – Крик сержанта звучит повторно, и я чувствую, как кто-то трясёт меня за плечо. Это Геракл.

– Сява, пошли, нас, похоже, отпускают!

Бли-ин, так это не сон. И этот чёртик на столе у сержанта тоже был реальным? Я никак не могу прийти в себя, чтобы начать разграничивать сон и реальность.

Встаю на ватные ноги, сомнамбулой выплываю из камеры. В слепящем свете коридорной лампочки плавают довольные морды Поночки и Уксуса.

– Привет, братиш! – они по очереди тискают меня, мацают, обнимают жарко, Уксус даже в щёку чмокнул. Тьфу... противный.

– Пацаны, а вам не кажется, что наши встречи становятся не такими уж редкими, – говорю я, вяло ворочая непроснувшимся языком.

Дружно грохая ботами, поднимаемся по лестнице наверх к долгожданной свободе.

В небольшом фойе за стеклянной перегородкой, на которой жирно намалёвано «Дежурный» нас ожидает невероятно

бледный человек с капитанскими погонами. Похоже, что и этот мечтает однажды выспаться от души. Наверное, он тоже вступил в сделку с чёртиком.

Бледный с мёртвым выражением лица, через маленькое окошко выдаёт нам личные вещи. Самым богатым из нас оказался я. Кроме мобилы, я получаю назад свой пухлый рюкзак. Поночка и Уксус вслед за мной забирают давно уже умершие телефоны. В придачу к своей мобиле Уксус получает ещё и белую шляпу (единственный реквизит оставшийся у нас на память о яхте Ленина. Ещё один реквизит, состоящий из семидесяти кусков зелёных, исчез в неизвестном направлении вместе с Буратиной). У Геракла нет мобилы, она ему совершенно ни к чему. Но и он не спешит покидать ментовку с пустыми руками. Ждёт, настойчиво щёлкает пальцами, утыкая тяжёлый взгляд в бледнолицего.

– А-а... так это тоже ваше? – Спыхватывается тот, поднимая за гриф стоящую в углу гитару.

– А то! Мы барды или кто? – недовольно рычит автор исполнитель в трениках и тельнике с рваной дырой на груди.

Я бросаю взгляд на подпирающего обшарпанный угол сержанта.

– Пока браток! Крепкого тебе сна и весёлых сновидений. – Улыбаюсь, заговорщицки подмигиваю, словно знаю что-то такое, ведомое только мне и ему и открываю дверь.

Нос щекочет прохладный и вкусный воздух свободы. На улице темно, хоть глаз коли. В двадцати метрах от разбитого крыльца на утыканной безразмерными ямами дороге находится что-то такое, что с первой же секунды режет глаз и диссонирует с этой заброшенной утопающей в дикой зелени дырой. Длинный белый лимузин с затонированными окнами распластался почти по всей длине подъездной дороги.

– Опа! А это ещё что за явление?– говорит за моей спиной, появившийся на крыльце Уксус.

Мне не требуется и пяти секунд, чтобы сообразить, что стоит за этим явлением. Я чувствую лёгкое дежавю. Снова что-то огромное и белое появляется в самом неподходящем месте. Снова откуда-то из недр этой белой субстанции льются знакомые ритмы. На этот раз это...точно это доктор Албан.

«Итс май лайф...

Итс май ла-айф»

Не надо быть провидцем, чтобы угадать, кто скрывается за тонированными окнами этого лимузина.

Вся наша компания уже сгрудилась на крыльце и в безмолвии ожидает начала представления. Стекло с пассажирской стороны плавно съезжает вниз, обнаруживая розовое округлых форм лицо, белозубую улыбку, ямочки на пухлых

щеках и длинный заострённый нос.

– Ну чё встали, как неродные? Время тикает, падайте в салон. Вечеринка продолжается!

«Итс май лайф,

Итс май ла-айф май браза-а-а»

Наша дружная гурьба, весело гомоня, направляется к ли-музину. Массивные двери распахиваются с обеих сторон, и мы забиваемся в просторный салон.

Здесь приятно пахнет кожей (пока!). Синие огоньки сверкают, словно новогодние гирлянды, создавая интимную атмосферу.

– Я вас полночи искал. Не можете вы без приключений! – Буратина развернулся на переднем сидении и щурится, разглядывая нас в мерцающем полумраке.

– А ты знаешь, по чьей вине мы встряли в эти приключения? – орёт в ответ Поночка. – Кто-то умотал с деньгами и не оставил нам ни копейки, чтобы расплатиться с хозяином кабака...

– А-а...ну извините, пацаны! Я же не знал, что он вас так рано выгонит.

– И куда ты пропал? – спрашивает Уксус.

– Появились кое-какие дела! – Буратина хлопает по кожаной спинке сидения. – Ну как видите, дела успешно закончены и вы на свободе, так что можно продолжать.

– Налива-ай! – рычит Геракл.

– Вова, бар справа от тебя. Угощайтесь, пацаны.

Геракл открывает дверцу, расположенного между сидениями ящика, внутренности которого тут же начинают сверкать и переливаться. В огромном вместилище обнаруживается куча бутылок шампанского.

Парни радостно бренча стеклом достают каждый по бутылке, я пока воздерживаюсь. Геракл недовольно морщась рассматривает этикетку.

– А покрепче ничего нет?

– Я бы тоже выпил чего-нибудь покрепче. – говорю я. – Я от этого шампанского уже мочиться стал пенными струями, как пожарный бранспойд.

– Там в баре всё есть! Сява, ты покопайся там всё... – Буратина замирает на полуслове.

– Сява, а ты как здесь? Ты же вроде в Москву упилил?

– Недопилил как видишь... – улыбаюсь я.

– Так значит вся контора в сборе? – радостно восклицает Буратина и поднимает вверх початую бутылку шампанского.

– Все да не все! Девчонок нет, Светки тоже... – грустно констатирует Геракл.

– Не волнуйтесь пацаны, щас всех соберём назад. Вы где своих баб потеряли?

После короткого рассказа Геракла мы решаем сначала ехать на вокзал за девчонками, а потом за Светкой. Буратина сказал, что гостиница где-то неподалёку.

– Ну что, Жекичан, по-олный вперёд! – кричу я, только сейчас осознавая, что мы даже не поприветствовали своего

шкипера.

Но вместо Жекичана из-за спинки водительского кресла неожиданно для всех появляется кукольная блондинистая головка.

– Здравствуйте, мальчики, я Жанна! – поёт тонкий голосок.

– Стюардесса? – растерянно спрашиваю я.

– Как видишь, Жанночка занимает место пилота. – Буратина гладит глянцевою пластиковую щёчку. – Это Сява, креативный продюсер компании и автор наших имён.

Не знал, что у нас компания и я числюсь в её штате креативным продюсером. Я склоняю голову, приветствуя новую знакомую.

– Мастерство Сявы состоит в том, что он даёт новое имя человеку в считанные секунды. Боюсь, Жанночка, что теперь ты так и останешься стюардессой.

– «Стюардесса» звучит слишком длинно. – Я тереблю бороду и включаю профессиональный тон. – Вот «Стерва» само то, и коротко и обтекаемо.

– Ну-у это грубовато, друг мой... – говорит Буратина.

– Нет нет... мне вполне нравится. – смеётся блондинка. – Тем более я и есть стерва. – Она сверкает зелёными глазами и клацает зубками, по-волчьи выкидывая голову в моём направлении.

На мой вопрос, куда делся Жекичан, Буратина сказал, что наш шкипер очень устал за время круиза и попросил у ка-

питана небольшой отпуск. Затем он продолжил знакомить Жанну, то есть Стерву с остальными членами конторы.

– Это Геракл, наш главный боец. Ещё Вова классно играет на гитаре и поёт как бог.

– А бухает безбожно, – вставляет Уксус.

– А вот это Уксус. Он...он Уксус. – Вздыхает Буратина, не найдя подходящих характеристик.

– Ага...а это Поночка. Просто Поночка...Впрочем и так ведь понятно, кто перед вами. – ёрничает обиженный Уксус, тыча в плечо соседа.

– А эт..то – Буратина вдруг замирает. Его сощуренные глаза разглядывают что-то за моей спиной.

– Михаил! – кроткий и звонкий голосок заставляет меня вздрогнуть и развернуться.

Наш недавний сосед этот зачуханный набожный мужичонка, какого-то хрена оказался на заднем сидении.

– Я коллега по несчастью...так-скать сокамерник.

«С» Для полной гармоний не хватает буквы «С». «Сокамерник-с» из уст Михаила прозвучало бы гораздо интеллигентней.

Буратина пожимает плечами и переводит растерянный взгляд на Стерву. Та в свою очередь складывает набитые силиконом губки в озадаченную дудочку.

– Серёж, а мы всех сокамерников отсюда забрали? Может быть в отделении ещё кто-то остался. Нужно было получше посмотреть.

Буратина кладёт обе руки на волосатую, торчащую из до пупа расстёгнутой рубахи грудь. – Я же не знал, что там ещё кто-то есть. Ты же сама своему этому генералу сказала, чтобы всех выпустил.

По кривой ухмылке Стервы понятно, что она осознаёт, какой совершила косяк и что последствия могли быть куда тяжелей, если бы к нам вместо блаженного старца Михаила примкнула парочка рецидивистов.

– Ничего, сейчас всё уладим. – Буратина гладит ламинированную коленку Стервы.

– Михаил, вы уж извините нас за это недоразумение. В принципе, если вы не хотите вернуться в апартаменты, мы можем вас куда-нибудь подвезти...

– Я, пожалуй, назад вернусь. – Михаил виновато улыбается. – Видите ли, поиздержался сильно, а в этом заведении, хотя бы кормят по расписанию...

– Он поедет с нами! – громко рявкает Геракл.

– Но мы его совсем не знаем! – разводит руками Буратина.

– Её мы тоже не знаем. – Геракл бесцеремонно тычет пальцем в Жанну. – Однако она едет с нами.

– Вообще-то она за рулём этой машины, и только она решает, куда и в каком составе мы поедем. – Непонятно откуда прорезавшимся мощным голосом провозглашает Стерва.

– Если Миша выходит, я выхожу вместе с ним.

Мы удивляемся этому внезапному ультиматуму Геракла и только и можем, что переглядываться. Я смотрю на рас-

терянное лицо Поночки, тот переводит взгляд на Буратину, который в свою очередь переглядывается со Стервой. В конце концов, Буратина устремляет свой взор на меня, словно я должен поставить точку в зарождающемся конфликте. Вообще-то мне по барабану, поедет с нами Миша или нет, тем более я даже не знаю, куда мы таки едем.

– Я думаю, что для такой плотности грешников на один квадратный метр, батюшка уж точно не будет лишним. – Я улыбаюсь и развожу руками. Мне не хочется отбирать игрушку у нашего ребёночка в жёлтой бондане.

– Так это... – Буратина тычет пальцем в сторону Михаила.

– Он самый! – говорю я, попутно делая знак рукой, чтобы Миша заткнулся, если имеет что сказать.

– А-а...ну что же я... – улыбается Буратина. – Я же и забыл, где мы. Здесь ведь самое место для Батюшки. Поехали Жанночка подальше от этого монастыря, пока к нам ещё какой-нибудь архиепископ не подсел.

К великому расстройству Уксуса, Поночки и Геракла, девчонок на вокзале и в его окрестностях не оказалось. Видимо они таки выбрались из города на попутке, или же нашли себе временное пристанище, а может даже новых друзей. Всем немного взгрустнулось. Даже мне стало не по себе. Я больше переживал за Геракла, который казалось бы только сейчас

нашёл свою любовь.

– Ну ничего, дружище, ты же адрес её взял, так что по любому найдёшь! – Попытался я подбодрить товарища. Напрасно пытался, ведь сам он это сделал гораздо быстрее и эффективнее. Запрокинутая голова и булькающая льющаяся прямо в горло бурая жидкость быстро сделали свою работу. Геракл вытащил горлышко изо рта, когда в бутылке вискаря осталось меньше половины.

– А-а-а-р-р – он орёт как медведь перед спариванием и трясёт бородатой закутанной в бондану башкой. Реанимационные мероприятия прошли успешно. Геракл снова в форме.

Парни берут пример с Геракла и смывают тоску, опрокидывая в себя бутылки и давясь пеной.

А мне повезло, хотя и пришлось здорово понервничать. Единственная в городе (если его так можно называть) гостишка, куда Буратина завёз Светку, представляла собой небольшое четырёхэтажное здание сталинского типа. Двери гостиницы оказались закрытыми и на отчаянный стук моего кулака в дерево никто по ту сторону не среагировал. Пришлось вспомнить молодость.

– Светка, выходи гулять! – ору я, в слепые потухшие окна. Мой крик отражается эхом в спящем дворике. По разным

углам серого прямоугольника вспыхнуло несколько окошек. Разглядеть, кто за этими окнами не представляется возможности, так как они видимо смотрят из за шторы, стоя сбоку. Я б так же делал, если бы услышал в ночи дикий рёв пьяного идиота.

Поночка и Укус соревнуются в художественном свисте. Разномастные трели, одна пронзительней другой вылетают из заткнутых пальцами ртов. Они и здесь меряются своими причендалами: у кого сильнее, у кого длиннее, у кого громче, у кого звонче.

Буратина предпочитает не терять время и прибегает к более современным технологиям. Он открывает все дверцы лимузина, ныряет в салон и возится с магнитолой, выискивая подходящий трек. В нашем речном круизе все убедились, что делает он это филигранно.

Пум-м-м-ц-ц-с-с-с! – Хлопок из сабвуфера заставляет все окна гостиницы задрожать.

Рёв хора труб, из проигрыша Здоб Ши Здуба, поднимается вверх и в мгновение заполняет всё пространство маленького двора.

«Мы вышли из до-ома когда во всех о-окнах погасли огни-и, один за одним,

Мы видели как уезжает последний трамва-ай...»

Наши пьяные голоса сливаются с солистами группы и усиливают звучание и энергетику композиции.

«Ездят такси-и, но нам нечем платить и нам не-е-зачем

ехать мы гуляем одни-и-и,

На нашем кассетнике кончилась плёнка, мотай!»

И понеслась!

«Видели ночь, гуляли всю ночь до утра-а-а-а...»

Разнузданная толпа вмиг превращается в цыганский табор.

«Видели но-очь гуляли всю но-очь до утра-а...ой дори дори дори дори...»

Буратина сгибает ноги и трясёт бёдрами вызывая вибрацию огромного волосатого брюха и отвисших титек под растёгнутой красной рубахой. Танец груди и живота два в одном. Поночка переминается с ноги на ногу крутя раскрытыми, поднятыми вверх пятернями. Сверху девочка снежинка, снизу мальчик холодец.

Геракл, мелькая своей жёлтой бонданой, носится вокруг лимузина, согнувшись и растопырив руки. Японский лётчик, атакующий Пёрл Харбор гармонично вписывается в происходящий вокруг хаос.

Я ору как потерпевший, хлопаю в ладоши, разбивая их в дребезги, и вывожу кренделя ногами, перебирая кроссовками по потрескавшемуся асфальту. Укус тоже изображает танец, размахивая плетьюми своих длинных рук.

Весёлый табор кружится, извивается, орёт, грохочет, звенит бутылками. Красная рубаха, жёлтая бондана, белая шляпа и огромный лимузин. Нам не хватает только медведя.

Свет зажёгся почти во всех окнах и не только гостиницы,

но и ближайших домов. Я бегаю глазами по этим окнам, пытаюсь угадать, за которым из них может находиться Светка. В какой-то момент мне кажется, что её здесь нет, и она уже уехала. В этот самый момент она и появляется в дверях, в своём жёлтом укороченном сарафане, (побратиме бонданы Геракла), с забранными в хвостик волосами и с рюкзачком в руке.

– О-о-о! – орёт наш дружный хор. Это походит на церемонию выкупа невесты. Невеста вышла! и радостный жених летит к ней на встречу, чтобы заключить в объятия. А вот где же выкуп?

– Ребята, что здесь происходит? – она прикрывает рукой расплывающиеся в улыбке губки. – Слава, ты же уехал!

– Я уже приехал! – кричу я, беру её за плечи и крепко прижимаю к себе.

– И что теперь? – В чёрных глазах другой вопрос. «Что опять? Может хватит уже приключений и романтики?»

– Поехали с нами!

– Куда? Я вообще-то домой собралась. – В её голосе нет уверенности, да и рюкзачок то вот он – в руке.

Тем временем Буратина уже завёл новую композицию, идя в духе с цыганским репертуаром.

«Спрячь за висо-оким забо-ором девчо-онку,

Вы-ыкраду вме-есте с забора-а-а-м,

Не-езачем ей остава-аться с тобо-ою,

Лучше оста-анется с во-ором...»

Наверное, мне пришлось бы долго уговаривать Светку. Может быть она бы и вовсе не согласилась снова окунуться в этот омут, но новые обстоятельства пришли мне на помощь.

Наша внезапно обрушившаяся на спящий двор гулянка, вызвала шквал возмущения, среди жителей окрестных домов, поднятых среди ночи с постелей. За громкой музыкой мы не могли слышать, мата и проклятий, которые сыпались на нас с балконов и из открытых окон. Но вот возмущение достигло своего пика, и мы увидели, как вокруг нас стягиваются возмущённые жители. Первыми появились две ворчащие бабки, какой-то мужик в триколях и серой вытянутой майке. Потом подтянулась растрепанная здоровая бабища, трясущая огромными руками и осыпающая нас проклятиями, которые тут же утопали в сладком голосе Мистера Кредо. На всё это можно было не обращать внимания и продолжать выкуп невесты, если бы не сразу три бычка, которые уверенно направлялись в нашу сторону. Это уже становилось опасным, и мы поняли, что нужно ретироваться. Один из бычков, лысый с наколотой на огромном плече летучей мышью уже пробивается через толпу. Несомненно, что первый из нас, кто попадётся ему под руку, будет тут же нокаутирован мощным ударом. Такие парни не любят длинных разговоров. Когда он идёт, он идёт, и вряд ли его что-то остановит. Но нет... остановило, вернее остановил, внезапно материализовавшийся перед ним старец Михаил. Он упер маленькие ладошки в каменный пресс, словно пытается руками за бампер

удержать прущий на него джип.

– Молодой человек, я вижу, вы сильно возбуждены! Прошу вас успокойтесь, прежде чем совершить нечто непоправимое.

Бычок смотрит на упирающиеся в него ладони, словно ему приложили к животу грелку.

– Отошёл бы ты дед.

В этих словах не слышно ненависти. Она вдруг потухла, перетекла в эти лежащие на животе ладошки.

– Мы понимаем ваше негодование, но и вы нас поймите. Такое ведь не каждый день случается. Жених приехал за своей невестой. И вместо того, чтобы возрадоваться вы готовы разорвать всех здесь присутствующих. – Михаил говорит очень тихо, но его голос отчётливо слышен в наступившей тишине.

– Ага у них значит праздник, а мы выспаться не можем. А нам между прочим на работу с утра, не то что вашим баронам. – Зычно орёт бабища, а народ одобрительно гудит.

– Дорогие мои, поверьте, что всё что произошло, это только к лучшему, – говорит Михаил.

– Ага, зашибись... и что же здесь хорошего, если человеку спать не дают? – говорит один из бычков.

– Ну вы ведь каждую ночь спите и всё равно не высыпаетесь. Сколько бы вы не спали, утром проснётесь невыспанные и недовольные. Вспомните, когда вас последний раз радовал звон будильника?

– После бессонной ночи он будет радовать нас ещё меньше, – кричит огромная женщина.

– А вот и нет! Сегодня всё будет по другому, потому что, это необыкновенная ночь. Она не такая как все. Порадуйтесь за людей, порадуйтесь вместе с людьми, и вы запомните эту ночь на всю свою жизнь!

Буратина быстро рубит фишку и ныряет в салон, откуда появляется с двумя бутылками шампанского.

– Вот ребята угощайтесь! – Держа одну бутылку под мышкой, он свинчивает проволоку с другой. Хлопок, и лёгкий дымок курится над горлышком. – Вот.

Он протягивает бутылку бычку, который стоит во фронте. Лицо парня краснеет и он пытается сдержать довольную улыбку.

– Давайте все за молодых. – Буратина вскрывает вторую бутылку и передаёт её в толпу. – Извините, стаканов нет, так что придётся из горла.

Народ заметно успокаивается. Женщины расходятся, мужики пригубляют из бутылок и желают здоровья молодым. Кстати, а молодые то где? Вот эти? Да какие ж они... Ну-у девушка то ого-го, а женишок...

Герметичный салон лимузина не пропускает звуков извне, в подсвеченных неонам тонированных окнах отражаются

разомлевшие от новой порции алкоголя лица. Интеллектуальная подвеска, скрадывает перепады, вызываемые бесконечными ямами на убитой дороге, и салон с его экипажем плавно покачивается. Мы в подводной лодке, которая не спеша ползёт на недостижимой глубине. Никакие житейские проблемы не доберутся до нас, им не суждено пробиться сквозь толщу отрешённости, вызываемой громкой музыкой, алкоголем и волшебным дымком, запущенным Буратиной по кругу.

В подсвеченных неонам огромных глазах Светки отражается весь спектр эмоций. Радость от того, что мы снова рядом, сменяется тревогой и растерянностью.

– Куда мы едем! – Она пытается перекричать галдящих со всех сторон собутыльников и Кая Метова.

«Позишн намбар ван, отдыхаю устал...»

Я улыбаюсь, поджимаю плечи и развожу руками.

«Позишн намбар ту, тебя хочу...»

– Понятно! Опять никто ничего не знает! – вздыхает Светка. – Попробую догадаться сама. Машина в угоне и уже скоро нас ждёт захватывающая погоня с воем сирен и автоматными очередями.

– Не угадала! – кричу я в ответ. – Блондинка за рулём это хозяйка машины.

– Уверен? – Светка криво ухмыляется.

Я тоже криво улыбаюсь и сноважимаю плечами.

Мы оба понимаем, что ничем хорошим это, скорее всего,

не закончится и мы снова, как те мотыльки летим на свет бледных полушарий. Только вот мотылёк ничего не может с собой поделаться, даже когда понимает, что идёт на смерть. Воля, сознание, разум, всё это пустые слова, когда ты подхвачен увлекающим тебя потоком уже забытых эмоций. Того чувства, когда ты балансируешь, идя по отточенному лезвию. В глазах Светки горят неоновые огоньки. Сейчас она готова поставить на кон всё, лишь бы ещё хоть чуть-чуть почувствовать этот кайф от скольжения по краю.

– Выруби ты эту херню! – ворчит Геракл. Ему не нравится Кай Метов. Как он ещё что то слышит? Его ещё не контузила бурая жижа, которая сиротливо плещется на дне квадратной бутылки.

– А чем тебе Кай не угодил? Заказывай, что хочешь! – орёт Буратина с первого сидения.

– Восьмиклассницу давай! – продолжает недовольно рычать желтоголовый схимник.

– Восьмиклассницу ты и сам можешь...

– Точно! Гитара при тебе, давай сбациай. – Поддерживает Поночка.

В Воване снова просыпается артист. Его надменный взгляд плавает поверх наших голов и надолго задерживается на Михаиле. Вот кому предстоит быть очарованным в первый раз. Округлая выемка корпуса гитары, словно бедро податливой женщины огибает тощую коленку, гриф ложится на левую руку.

Тинь-тинь – он пощипывает струны, подкручивая колки. Кажется всё, приготовления закончены. Пальцы правой руки начинают плавно брякать по струнам, левая бегаёт по грифу.

«Пустынной улицей вдвоём, с тобой куда-то мы идём,
Я курю, а ты конфетки ешь...»

Разморённая алкоголем публика тут же подхватывает хором.

И светят фонари давно, ты говоришь: пойдём в кино,
А я тебя зову в кабак, конечно.

У-у у-у-у восьмиклассница-а-а...

Поночка выводя припев, чему-то улыбается, глядя на меня.

– Помнишь на выпускном? – спрашивает он, перекрикивая поющих.

Я понимаю, о чём он спрашивает, и криво улыбаюсь. Ну почему, когда речь заходит о том выпускном, все вспоминают именно этот случай. Ведь тогда ещё много чего случилось. Но нет... Поночка уже подленько хихикает и отрывает от пения Уксуса, пихая его локтём в плечо.

– Помнишь на выпускном, в автобусе?

– Это когда у Сявы встал? Ха-ха -ха...

Началось! Сейчас вспомнят все, и не только вспомнят, а ещё начнут в красках рассказывать. Всё бы ничего, но здесь находится Светка, которой тогда не было с нами, и она похоже ни разу не слышала эту историю.

– Расскажи! – На меня смотрят глаза маленькой девочки,

которая просит папу рассказать запретную историю.

Я вздыхаю и широко улыбаюсь. А почему бы и нет? Сейчас уже можно...

М-м-м восьмиклассница-а-а

М-м-м...

Сейчас это песня очень кстати, и я самозабвенно вливаюсь в мычащий хор. Я мычу вместе с разномастным хором, мычу по настоящему, мычу от удовольствия, потому что моя рука плавно ползает по покрытой трикотажем мягкой коленке. Жадные дрожащие пальцы поднимаются от коленки всё выше и выше, они не торопятся достичь своей цели, потому что в этом длинном путешествии и заключается настоящий кайф.

М-м-м восьмиклассница-а-а-а...

Маргуше поначалу не понравилось, что мы начали петь именно эту песню, и она даже предприняла осторожную попытку остановить поющий хор.

– Ребята, ну что вы какую-то похабщину затянули. Давайте лучше что-нибудь из Окуджавы споём.

– Иди ты... со своей окуджавой, – отмахивается Геракл, и продолжает петь вместе со всеми.

Сегодня мы не будем слушать Маргушу, потому что её власть закончилась. Её правление уже нелегитимно, так как

не далее чем вчера, все пассажиры этого автобуса получили аттестаты зрелости, и большая их часть уже не вернётся в школу. Остающаяся часть по большей степени молчит и затравленно смотрит в окно.

Наша классная как всегда решила соригинальничать. Вместо скучных ночных прогулок с распитием шампанского и встречанием рассвета, она придумала устроить прогулку дневную. Выезд на природу показался ей гораздо интересней, чем ночная пьянка. Маргуша не учла одного, что эта ночная пьянка состоится независимо от того, будет она на ней присутствовать или нет. Да и вообще, идея вывести на природу кучу выбившихся из под контроля неуправляемых отморожков оказалась так себе, и Маргуша ещё не раз об этом пожалеет.

Сейчас основная масса сидящих в автобусе пребывает на старых дрожжах, да ещё и ночь не спамши. Разумеется, не все проявили такую вопиющую несознательность. Вот Женя Смирницкий, он же Ленин, вполне себе выспался этой ночью. Может он бы и не прочь погулять, но кто же его позвал?

Ленин сидит на переднем сидении напротив Маргуши. Он с отвращением оттопырил нижнюю губу, словно только что проглотил таракана.

Ты говоришь из-за тебя, там кто-то получил синяк,
Многозначительно молчу и дальше мы идём гулять...

М-м-м восьмиклассница-а-а...

М-м-м...Моя рука овладевает коленкой уже состоявшейся-

ся десятиклассницы. М-м-м, Аня Федотова. Симпатичная, чуть полноватая свежая и пахнувшая, как сдобная булочка. Раньше она даже не смотрела в мою сторону, а в последнее время вдруг начала строить глазки. Это место рядом с собой она держала специально для меня. Я это сразу же понял, когда пробирался по узкому проходу назад, чтобы упасть там с братвой. Стоило мне зацепиться за этот взгляд, и решение было принято моментально. То есть никто не решал – там в моих штанах кто-то решил за меня. К удивлению Буратины и Геракла, я уселся рядом с Анькой. Поначалу, мы молча пересчитывали своими задницами кочки, так как от подвески у раздолбанного Пазика осталось одно лишь название. Подлетая на очередной кочке, я всё плотнее вжимался в Аньку. Моё бедро обжигал исходящий от Аньки жар, нос щекотал цветочный запах дезодоранта, которым она обильно побрызгалась.

У-у-у восьмиклассница-а-а

М-м-м восьмиклассница-а-а-а...

Находясь среди весёлого гомона, песен, летающих по салону термосов (якобы с чаем), Маргушиных замечаний, которые сегодня все пропускали мимо ушей, я потихонечку увеличивал силу и область нашего с Анькой контакта. Мои пальцы начали ползать по мягкому бедру, обтянутому синими спортивными штанами. Одновременно с силой нажатия на мягкую плоть и амплитудой движений вниз меня набухало, росло, ширилось что то такое, что становилось всё слож-

нее скрыть от посторонних глаз. Пока это были только жадные глаза Аньки, которая то и дело бросала взгляд под обрез моей футболки. Эмоции усиливала бесконечная тряска, и я начал чувствовать, что нужно совсем немного, чтобы внизу меня всё взорвалось. Я был как наполненный жидкостью шарик, готовый лопнуть от любого микроскопического движения. Если это случится, если шарик взорвётся и наполняющая его субстанция разлетится брызгами, заливая весь автобус, будет катастрофа.

Я начинаю понимать это слишком поздно, потому что автобус уже свернул на грунтовую лесную дорогу, и мы скоро приедем. Нужно будет выходить, а как выходить в таком виде? К расстройству раскрасневшейся и разомлевшей Аньки я внезапно прекращаю свои манипуляции и начинаю шарить глазами по салону. Мне нужно отвлечься, распылить своё внимание. Мне нужно сдуть этот чёртов шарик. В своём уме я перебираю все школьные знания от теоремы Пифагора, до таблицы умножения, надеясь, что хоть здесь-то они мне пригодятся. Нет, негодились и эффекта не дали.

Протяжный свист тормозов. Мы приехали. Автобус ещё не остановился толком, а все уже повскакивали со своих мест и ломятся к выходу. Все, кроме меня и Аньки. Предательски выпирающая из спортивных штанов плоть, не уменьшилась ни на миллиметр. Она всё такая же большая и твёрдая, словно сучок на дереве.

– Пойдём! – Анька толкает меня в бок. В автобусе оста-

лись только мы вдвоём.

– Молодые люди, выходите, конечная. – Водитель автобуса зачитывает смертельный приговор.

Надо идти. Я встаю, подтягиваю штаны вверх и скрючившись на полусогнутых ногах семеню вдоль прохода под раздающееся за спиной хихиканье Аньки. Вот это подстава. Там, снаружи стоит весь наш класс и какого-то хрена пялится на автобус, словно это космолёт из которого сейчас появится Гагарин.

Я боком сползаю по ступенькам, скользя руками по турникету, и уже слышу этот смех.

Грёбанный Поночка, да там не только он. Хохоchet Бурати-на, ржут Геракл и Уксус. Да ладно бы только они. Эти лишь солисты в огромном хоре смеющихся. Лишь некоторые девчонки, понимая в чём дело, застенчиво улыбаются и идут прочь от автобуса. Маргуша тоже быстро семенит по тропинке, будто убегая от стаи собак. Все остальные продолжают оставаться на месте. Вдруг я понимаю, что единственное моё спасение находится как раз позади меня. Я подхватываю спускающуюся со ступенек Аньку и поднимаю её на руки, держа так, чтобы она прикрывала объект привлекающий общее внимание.

–Ну чё встали? Летс гоу бойз энд гёрлз! – Кричу я и первым выхожу на тропинку, таща на себе непомерно тяжёлую ношу.

До озера, на берегу которого был запланирован наш пик-

ник, нужно пилить метров триста, и по законам жанра, весь этот путь я должен тащить Аньку на себе. Раскрасневшаяся, пышащая жаром принцесса пребывает в восторге от этой идеи, чего совсем не скажешь обо мне. Уже метров через пятьдесят, моё дыхание становится тяжёлым и начинает сильно колотить в боку. Анька пожирает меня голодными глазами, лесной марш бросок заводит её всё больше. А вот моя проблема ушла почти сразу. Нагруженные мышцы требуют большого притока крови, которой в моём хилом теле не так и много, и именно сейчас совершенно непозволительно транжирить драгоценную субстанцию на орган не участвующий в процессе. Вместе с возбуждением, куда-то уходит и желание переть на себе Аньку. Я выдыхаю и ставлю её на тропинку.

– Всё дальше сама! – Я вытираю бегущие по лбу струи пота.

– Всё сдулся? – насмешливо фыркает Анька, даже не представляя, насколько сейчас права.

На счёт Аньки я сдулся окончательно и бесповоротно.

– Не надолго же тебя хватило, любовничек! – Лицо Светки покраснелось, глаза слезятся от смеха.

– И правда, как обрезало. Такое иногда бывает уже после случившегося, а тогда произошло до. Весь секс будто уже случился в моей голове.

– Ага, и этот короткий секс произошёл на глазах у всего класса и Маргуши! – ржёт Поночка.

– Ладно прикалываться, ты бы лучше вспомнил, что было дальше! – Качаю я головой.

Там в самом деле есть что вспомнить:

Как перепившись привезённым в термосах винищем, плясали вокруг костра и пели похабные частушки;

Как Поночка, решивший на кураже прикурить от выдержанной из костра палки опалил себе брови и чёлку;

Как я делал вылазки за рыбой, плавая на середину озера и выбирая её из сетей. Как на очередной ходке рыбаки догнали меня на своей лодке и чуть не отходили веслом. Я хныкал как ребёнок и умолял мужиков меня отпустить и не топить в озере на глазах у всего класса.

«Брат умирает, ухи просит» – причитал я, барахтаясь возле резинового борта лодки.

Мужики поржали, предупредили, чтобы я больше так не делал и щедро одарили меня двумя жёлтыми карасями, которых я уже и так выпутал из сетей.

Как жарили этих карасей, нанизав их на палки, а потом угощали ими девчонок.

Как Гулька Якушева подавилась косточкой и чуть не отъехала. Паника накрыла тогда всех. Хрипящая Гулька полулежала возле костра, а наша огромная орава стояла вокруг, не зная, что делать.

– Нужно скорую вызывать! – упавшим голосом прохрипе-

ла Маргуша.

– Ага, сбегайте до автомата! – неуместно съёрничал Буратина. Кстати он и нашёл единственно верное решение, заставил Гульку проглотить хлебную корку, а потом обильно запить её Агдамом, который он прямо из горлышка щедро вливал ей в рот.

– Всё! – вдруг сказала сидящая на песке Гулька и заулыбалась, от чего её слезящиеся азиатские глаза сузились до микроскопических щёлочек. – Прошло! Ребята, прошло!

Ещё минут через десять скромница и отличница Гулька стояла на берегу озера и распевала грубым басом от которого, пожалуй, прикурили бы Пугачёва с Аллегровой:

«О-озеро-о наде-ежды, всё как е-есть прими-и,
Пу-усть никто не по-онял ты-ы меня пойми-и».
О-озеро-о наде-ежды, и-имя назови-и...

Видимо озеро назвало Гульке какое-то имя, потому что она полезла сначала обниматься к Поночке, а потом хлопнула ладошкой по жопе Ленина, заставив его морду залиться краской под дружный хохот.

В довершение всего, Гулька отправила на хер Маргушу, которая сделала ей замечание в слишком развязном поведении. Маргуша, видимо послушалась Гульку, потому что апофеозом вечера стали её поиски.

Мы хватились её, когда всё было выпито и съедено, костёр погас, и солнце стало опускаться за горизонт. Нужно было выдвигаться к автобусу, и только в этот момент Ленин за-

метил, что Маргарита Николаевна куда-то пропала. Впереди озеро, позади лес. Вариант был очевиден. Плавать Маргуша не умела, значит оставался лес. Под чутким руководством Ленина мы распределились по группам и стали бродить по лесу и орать во все глотки (благо большинство глоток были лужёными).

– Ма-а-аргари-та Ника-ала-аевна-а....

– Ма-а-арга-арита-а-а!

– Ма-аргу-ууша-а!

Казалось, что весь периметр чернеющего леса был заполнен нашими криками.

Маргуша нашлась. Она вышла на группу из нескольких девочек. Вышла молча и с важным видом (мол чего вы разорались, я просто прогуливалась по лесу).

Ага прогуливалась она. В гордом одиночестве почти два часа в сгущающихся сумерках и с огромной дубиной, которую она крепко сжимала в руке. Маргуша догадалась выбросить дубину, только когда вышла с девочками на поляну.

– Да-а, дружище, там было что вспомнить, но твоя эрекция по яркости затмила все эти воспоминания, – Поночка смеётся и его смех подхватывают все пассажиры лимузина, а Стерва, даже развернувшись на сидении и оценивающе стрельнула в меня своими зелеными стробоскопами.

Нет, ребята, всё уже давно не так. Возраст делает своё дело и теперь у меня уже не вскакивает по щелчку, даже на похотливую зеленоглазую блондинку. С того времени из меня ушло много чего хорошего, а ещё больше плохого. Не ушло только одно чувство, к одному человеку. И это чувство осталось в неизменном виде, и кажется даже набирает силу. Сейчас я хочу смотреть только в чёрные глаза и вождедель только одну коленку, торчащую из под обреза укороченного жёлтого сарафана. Только ради этого я снова вернулся в опасные и скользкие девяностые.

Вечеринка снова набирает обороты, и мне кажется, что мы и не расставались. Вокруг всё те же пьяные лица, по ушам лупят сменяющие друг друга хиты Пэт Шоп Бойза, Ласковского Мая и Миража, и всё это утопает в запахе перегара и анаши. Мы опять куда-то летим. Сменился только шкипер и вид транспорта, поменялись некоторые декорации, но суть остаётся той же. Нам хорошо и мы совершенно не интересуемся, куда направляется капсула, в которую мы надёжно запаяны. Окна затонированы наглухо, так что в них можно видеть только своё отражение. Собственно, куда там смотреть. По непрекращающейся качке понятно, что наше судно плывёт по штормящему морю, налетая на волны из вздыбившегося асфальта и ям. Блондинка ведёт машину легко и отвлечённо.

Левая рука двумя пальчиками с нереально длинными ногтями чуть придерживает руль, словно это маленькая чашечка эспрессо, правая то лежит на плече у Буратины, то гладит его коленку, то сложенными в идеальное колечко пальчиками, тычет ему в лицо, что-то объясняя. Каждый раз, бросая взгляд на водительское сидение, я вижу только идеальный кукольный профиль, подсвеченный огоньками приборной панели. Такое ощущение, что Стерва совсем не смотрит на дорогу, и машина едет на автопилоте.

Впрочем, мне всё это нравится. Нравится находиться рядом со Светкой, просто слушать музыку, молча переглядываться с ней держа её за руку, нравится ощущать присутствие своих друзей, наблюдать, как снова спорят Поночка и Укус, как Геракл, которого слегка укачало, прикорнул на плече у старца Михаила. Я готов ехать в этой капсуле отделяющей нас от реальности целую вечность и ловлю себя на мысли, что вообще не хочу куда-то приезжать.

Но мы всё-таки приехали. Машина замедляет ход. По лобовому стеклу ползут жёлтые огни, и мы проезжаем под поднятым шлагбаумом. Похоже, мы в каком-то закрытом периметре, и мне очень хочется надеяться, что Буратина не затащил нас в западню, как это уже не раз бывало.

Минут пять машина летит по идеально ровной дороге, словно парит по воздуху, куда-то заворачивает, делает круг, идёт на посадку. Всё, кажись приехали.

– Мы на месте! – громко вещает Стерва и первой покида-

ет салон. Мы нехотя вываливаемся в реальность через распахиваемые двери уже любившейся нам капсулы.

Реальность встречает нас прохладным, но таким чистым и сладким воздухом, предрассветным туманом, в котором утопает ярко зелёная лужайка и гладью огромного озера, раскинувшегося в десятке метров от нас. Я оглядываюсь вокруг, переводя взгляд с озера на лужайку и на то, что находится прямо за ней.

– Ё-ё-ё... – заморожено стонет Поночка.

За моей спиной раздаётся чей то присвист. Я и сам издаю что-то вроде возгласа ребёнка в первый раз увидевшего слона в зоопарке. Над лужайкой возвышается огромное серое здание построенное в готическом стиле. Серые выложенные из декоративных камней стены, удлинённые аркообразные окна, высокое крыльцо с позолоченными перилами и над всем этим возвышается высоченная башня с заострённой крышей, шпиль которой украшает золотая птичка, в виде петуха, а может и орла.

– Ни хуя себе, хижина дяди Тома! – Голос Уксуса гремит в наступившей тишине.

Какое-то время все просто молчат и ошарашено смотрят на эту каменную громаду площадью наверное в целый квадратный километр.

– Ну что встали как вкопанные? Нравится? – Весёлый голос Стервы нарушает общее задумчивое молчание. – Что не видели ничего подобного?

А вот сейчас в голосе наглой блондинки мне слышались нотки заносчивости.

– Не то чтобы и не видели, видели и не такое. Просто неожиданно видеть это здесь... в этих краях.

– А чем эти края отличаются от других? Или вы сюда с Марса прилетели? – Стерва пожимает плечами, видимо мой укол достиг цели. – Ну ладно, что стоять, идёмте в дом. Она цокает позолоченными шпильками, направляясь по грунтовой дорожке к крыльцу. Только сейчас я оцениваю её безупречно длинные ноги, осиную талию, идеальные словно очертания бокала, покачивающиеся бёдра, облачённые в бардовую юбку. Светка мгновенно перехватывает этот мой взгляд. Неужели, она меня ревнует? Успокойся Светик. Чего я там не видел. Навидался я уже этих куколок и хрустальных замков.

– Ну чё, парни? Как вам? – громко шепчет Буратина, ожидая, что все по достоинству оценят его очередной сюрприз.

За моей спиной раздаётся странный звук, что-то льётся на асфальт.

Геракл даже не стал отходить в кусты, он просто отвернулся от нас и мочится прямо на асфальтированную дорожку.

Светка прикрывает рукой рот, а Буратина в сердцах машет рукой.

– Вовик, что прямо так не в терпёж? Ну ты бы хоть в сторонку отошёл, среди нас дамы. Забыл?

– Да ладно, свои все! С малых лет друг друга знаем.

Все стоят и молча ждут, когда Геракл закончит стряхивать свой причендал, но он делает это неимоверно долго. Наконец-то! Вовик подтягивает триколя и разворачивается к нам .

– Я всё! – он разводит руками, а мы все понимающе качаем головами, будто ждали его появления из бани, или из салона красоты. Ну вот и всё, укладка сделана, маникюр подправлен, уголок белоснежного платочка торчит из кармашка смокинга. Наш друг наконец-то готов к торжественному приёму.

– Слушай Вовик, – я включаю озадаченный тон. – А ты по большому не хочешь сходить? Вряд ли в этом дворце есть туалет, наверняка все ходят на тропинку. Так что, если хочешь, можешь присаживаться. Мы подождём.

– Пока не хочу, Сява. Если захочу, обязательно воспользуюсь твоим советом. – Геракл хлопает меня по плечу.

– Вы что там встали? – кричит Стерва, которая уже поднялась на крыльцо и ждёт нас возле массивных дубовых дверей.

После яхты Буратины-Ленина нас уже сложно чем-то удивить. Сложно, но мы удивлены.

Дубовый паркет, колонны в ляпнине, высокие пятиметровые потолки, свечи в золотых канделябрах, огромное панно

с изображением парусника в бушующем море на стене. Резная, покрытая свежим лаком мебель, хрустальные, огромные как солнце люстры. Для питания одной такой люстры, наверное, нужна целая подстанция, а их три, только в одном помещении холла. Это дворец, настоящий дворец. Мне доводилось бывать в подобных местах, но они чаще всего имели статус музеев и были старыми поместьями князей, или каких-нибудь польских шляхтичей. Кому принадлежат эти хоромы? В этом убранстве явно прослеживается рука человека с маниакально зашкаливающими амбициями. И этот человек уж точно не блондинистая стюардесса по имени Жанна. А она тем временем наблюдает за выражениями наших охреневших лиц.

– Это наша прихожая! – Говорит она смешливо, но никто из нас не оценивает её шутки.

– Мне кажется, здесь перебор с эклектикой! – вдруг произносит Укус, подпирая кулаком подбородок.

Надо же! Где хоть он это слово откопал?

Жанна ни как не хочет комментировать это замечание, может она, как и я не в курсе, что такое «Эклектика». Она, молча цокает каблуками по паркету, направляясь к лестнице, делая знак рукой, чтобы мы шли за ней. Мы покорно стучим ботами, следуя за экскурсоводом.

Второй этаж дворца не имеет перекрытия. Все помещения расположены в глубине овального периметра, который обрамлён резными перилами. Сейчас эта конструкция на-

поминает мне здание большого торгового центра. Не хватает только лифта по центру. Наверху нашу экскурсию встречает настоящий дворецкий. Высокий черноголовый паренёк представляется Баходиром и говорит, что он всегда к нашим услугам. Дворецкий правда без смокинга, а в белой рубашке и тёмных брюках. Ну точно, как секьюрити в торговом центре.

– Баходир? – уточняю я приостановившись и оставаясь в хвосте, продолжающей движение экскурсии.

– Да, Баходыр! – Отчётливо повторяет своё имя дворецкий.

– Слушай, Баходир, – я остаюсь с узбеком и кладу ему на плечо руку. – Понимаешь, твоё имя классное, но его никто здесь не запомнит. Будут перевернуть, коверкать, а тебе обидно будет. Можно, мы тебя как-нибудь по-другому называть будем. Так, что точно никто не забудет.

Парень улыбается и пожимает плечами.

– Бэримор, как тебе?

– Нормально! – задорно отвечает Баходир.

– Вот и отлично, – улыбаюсь я. – Теперь, когда кто-то из гостей будет к тебе обращаться, ты ему напомним своё имя. Нужно сказать так: «Бэ-эрримор-р с-эр!». Повтори.

– Бэрымор, сэр! – робко говорит парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.